

ПРОБУЖДЕНИЕ КАМЕННОГО ПОЯСА

Для граждан гораздо полезнее, когда процветает все государство в целом, а не когда отдельные лица преуспевают, целое же разрушается.

Фукидид

Характер состоит в способности действовать согласно принципам.

Кант

Татищев неизменно поражал биографов разносторонностью своих занятий, легкостью, с которой он переходил от одного дела к другому, часто ранее ему совсем неизвестному. Обращали внимание и на то, что его научные занятия шли как бы за практической деятельностью. По замечанию французского ученого Симоны Блан, автора большого исследования о Татищеве, «просветитель» в Татищеве дополнял и продолжал «деятеля»: мысль помогала и оправдывала действие». Это и так, и не совсем так. Правильнее сказать, что мысль и действие находились у Татищева в таком тесном переплетении, что трудно было определить, что чему предшествовало.

Праздность не была свойственна и русской аристократии XVII века. Бояре могли заседать в Думе целыми днями. Государственная служба не знала ни для кого послаблений. В этом смысле Петровская эпоха мало что изменила. Изменилась лишь наполняемость занимаемого времени, интенсивность и производительность деятельности. Сам Петр подавал пример в этом отношении, не переставая работать даже в периоды своих довольно грубых увеселений; обсуждались предложения, принимались послы, утверждались решения. А в его окружении были люди, задачей которых являлось устройство потех вроде «дебошана французского» Лефорта, который в конце концов «от пьянства скончался». Но были и такие, кто потехи воспринимал как неотвратимые помехи на пути решения государственных дел. Энтузиазм царя вызвал [45] к жизни и Меншиковых, готовых и на подвиг, и на разгул, и на казнокрадство, и Брюсов, соразмерявших свою деятельность с государственными интересами.

Государственная система, сложившаяся в XVII веке, как и всюду, где торжествует абсолютизм, была громоздкой и плохо управляемой. Преобразования начала XVIII столетия очень мало ее преобразовали. Гораздо большее зависело от энергии и распорядительности отдельных лиц, чем от работавших с переборами государственных механизмов. Возглавляя делегацию на Аландском конгрессе, Брюс продолжал руководить различными ведомствами, интересовался разными отраслями знания, проектировал новые заведения и исполнял нескончаемые поручения Петра. По оценке Татищева, Брюс был «человек елико высокого ума, острого рассуждения и твердой памяти... к пользе российской во всех обстоятельствах ревнительный рачитель и трудолюбивый того сыскатель». Проявляя «ревность» к России и желая оставить по себе добрую память, он, «имея немалой цены собранной кабинет древних медалей, монет, руд и других природных и хитросочиненных диковинок мафематических, а наипаче астрономических инструментов и в немалом числе книг библиотеку, мимо родного племянника, для пользы общей в императорскую Академию наук подарили другие многие государю и государству знатные услуги показал». Татищев отмечал этот факт, конечно, не для того, чтобы полюбоваться им со стороны. Таким рисовался ему гражданский идеал, которому он стремился следовать на протяжении всей жизни. Находясь на Аландских островах, Брюс был «отягщен» «Берг- и Мануфактур-коллегией, Монетной, Артиллерийской и Инженерной канцелярией». Помимо того, он собирался еще «обстоятельную русскую географию сочинить», в чем ему Татищев «по возможности вспомоществовал».

Обращение Брюса и Татищева к географии явилось непосредственным продолжением и развитием идеи, высказывавшейся Татищевым в связи с работой над «практической геометрией» и в упомянутой выше записке царю о необходимости проведения целенаправленного земельного размежевания по всей стране. Татищев, как отмечалось, отрицательно относился к начатому в 1718 году переходу к подушному обложению. Очевидно, так же смотрел на этот вопрос и Брюс.

В XVII веке поземельное обложение было постепенно [46] заменено подворным. Такая замена, конечно, прежде всего ударила по тем хозяйствам, которые наиболее интенсивно осваивали земли или вообще мало были связаны с земледелием. Но формально поземельная система обложения не отменялась, а переход на подворную систему сопровождался значительным снижением общей суммы сборов и погашением прежних недоимок, в результате чего изменение акцента в обложении мало ощущалось. К тому же рассчитывалось лишь общее число дворов, а распределение податей отдавалось на усмотрение «мира». Новая система обложения быстро подсказала пути противодействия ей: семьи перестали делиться, под одной крышей собирались несколько семей.

Переход к подушному окладу предусматривал чисто фискальные цели. Правительство устанавливало размеры податей с крестьян как в казну, так и помещику (71 копейка с «души» в казну и 40 копеек помещику). Разумеется, этой податью не исчерпывались поборы с крестьян. В рассматриваемое время они достигали 10 - 15 рублей на крестьянский двор - сумма, которую практически крестьянин выплатить не мог. Естественно, что помещики были недовольны государственной регламентацией и чрезмерным государственным обложением. Но эта реформа (впервые) передавала в их распоряжение крестьянские «души». Именно реформа обложения 1718 года означала установление личной крепостной зависимости, и отныне крестьянин лишается и последних остатков экономической свободы, без которой невозможно было сколько-нибудь устойчивое поступательное развитие его хозяйства. В беседах с Петром ни Татищев, ни Брюс этот аргумент, вероятно, не приводили. Но они не могли пройти мимо факта чрезвычайно неравномерной отдачи с разных земель, расположенных в одной и той же зоне, из-за чего страдали прежде всего предприимчивые землевладельцы, те, кто удерживал на своих землях крестьян благодаря относительно низкому уровню эксплуатации. Поэтому и выдвигалось предложение провести новое размежевание с учетом количества и качества земель и угодий в разных уездах России.

Написание «географии» Брюс перепоручает Татищеву. Поначалу Татищев, не имея достаточных пособий и знаний, «осмелиться не находил себя в состоянии». Однако «яко командиру и благодетелю отказаться не мог». К тому же эта работа теперь сливалась с самим им [47] внесенным проектом размежевания, и Петр специальным объявлением в Сенате утвердил его в новой должности. Татищев был «определен» к «землемерию всего государства и сочинению обстоятельной российской географии с ландкартами».

Приняв в 1719 году дела и подготовительные материалы, Татищев окунулся в работу. Она оказалась еще сложнее, чем первоначально казалось ему самому, поскольку потребовались исторические разыскания. Татищев «в самом начале увидел, что оную из древняго состояния без достаточной древней истории и новую без совершенных со всеми обстоятельствы известий начать и производить невозможно». Встала задача выяснить, каким образом те или иные территории вошли в состав Российского государства, каковы истоки вошедших в него народов и т. д. В результате задача написания географии в глазах Татищева тесно переплелась с необходимостью написания истории. Давно возникший интерес к прошлому своей страны и народа теперь начинал воплощаться в нечто осязаемое. Но по независящим от Татищева обстоятельствам эта весьма важная для государства работа была прервана.

В 1718-1720 годах в России происходила перестройка деятельности центральных органов, в частности, создавались коллегии и вырабатывался их статус. К этой работе был

привлечен и генерал-фельдцейхмейстер Яков Вилимович Брюс. Предстояло отобрать все «подходящее» для России из опыта Швеции, Дании и других европейских стран. Особое внимание уделялось государственной организации управления промышленностью.

Еще в 1711 году Иоганн Блиер - саксонец, служивший в России с 1699 года, - подал предложение об организации особой коллегии для руководства горной промышленностью. Но из-за издержек чрезмерной централизации предложение не было реализовано. Более того. В том же 1711 году был закрыт приказ Рудокопных дел, функционировавший при приказе Большой казны. В 1715 году он был открыт вновь, но действовал крайне непродуктивно. Оставленные на усмотрение местного начальства, казенные горные заводы владели жалкое существование. Некоторые воеводы и коменданты стремились вообще избавиться от обузы и попросту закрыть заводы. Учреждением 12 декабря 1718 года Берг-коллегии предполагалось коренным образом пересмотреть [48] отношение к этой отрасли хозяйства. Во главе коллегии был поставлен Брюс, а горными советниками утверждены действительные или мнимые иноземные специалисты; Потт, барон де Люберас, барон Шлаттер, Винцент Райзер, Иаков Делейес. Дальнейшие события показали, что создание столь «одноцветной» коллегии не лучшим образом сказалось на деле. Пожалуй, лишь Люберас действительно соответствовал назначению.

19 декабря 1719 года был обнародован первый горный закон: Берг-привилегия. С 1720 года коллегия начинает регулярную деятельность. О положении на местах в то время сведения было получить практически невозможно. Поэтому в разные стороны рассылаются специальные уполномоченные. Недавние боевые офицеры теперь переключаются на деятельность совершенно иного рода. Так, в Тулу был послан ассессор коллегии Василий Григорьевич Волконский, в Сибирь - кабинет-курьер Илья Голенищев-Кутузов, Указом 7 января 1720 года на Кунгур был направлен Иоганн Блиер. А вскоре назначение на Урал получил и Василий Никитич Татищев. Брюсу не дали желаемого числа «гвардейских офицеров», да и далеко не каждый гвардейский офицер мог принести реальную пользу в таком тонком деле, как организация горной промышленности. И он просит теперь Петра использовать своего помощника в ином качестве, более неотложном в данное время.

Иоганн Блиер провел на Урале почти два десятилетия. Татищев ехал на Урал впервые. За плечами Блиера был огромный опыт разыскания руд и отчасти создания заводов по их переработке. Татищев этими делами пока не занимался. Поэтому первоначально предполагалось направить Татищева как бы в помощь Блиеру, в качестве своеобразного заместителя по хозяйственной части: Татищев должен был вести бухгалтерию, нанимать работников, помогать Блиеру и т. п. Кроме того, Татищеву поручалось на месте разобраться в чрезвычайно запутанных делах и конфликтах между местной администрацией, управляющими местных частных заводов и специалистами, представляющими государственную казну. Достаточно сказать, что сын бывшего коменданта Кунгура Лев Шокуров получил в 1715 году от казны на медеплавильное дело 1100 рублей, а меди было выплавлено только 45 пудов (рыночная цена пуда меди была шесть-восемь рублей, а себестоимость на Урале полтора-два рубля). [49] И многомесячное следствие не сумело ничего выявить, поскольку воевода не обременял себя ведением приходо-расходных книг. Посадский человек из Соли Камской Прокофий Сталов неоднократно подавал государственным чиновникам доношения о наличии медной руды около села Романова. Но его самого насильно приписали «строгановским крестьянином», а приказчики Строгановых подкупали и рудных подмастерьев, и представителей власти, дабы устранить возможную конкуренцию со стороны казны. Прокофия Сталова строгановские приказчики били кнутом и сдали в рекруты. И, уже будучи на службе в Петербурге, Сталов сумел 18 октября 1717 года подать Петру I уведомление о своих находках.

Бюрократизация на феодальной основе далеко не всегда улучшала управление и, во всяком случае, создавала новые сложности и трудности. Одна из них - широкое распространение казнокрадства и взяточничества. Старая система кормлений отдавала суд на откуп кормленщикам и являлась как бы формой оплаты службы того или иного воеводы. Бюрократическая система предполагает замену кормлений жалованьем. Но жалованье выплачивалось далеко не аккуратно даже на самом высшем уровне. Когда в 1713 году подьячие секретного стола запросили прибавки жалованья, Сенат специальным указом передал им некоторые выгодные дела (иноземческие и Строгановых). У чиновников оставалась привычка «кормиться» за счет населения. Теперь же к ней прибавилась возможность «покормиться» и за счет казны. Своеобразные «нормы» кормления, выработавшиеся на протяжении ряда поколений, уступают место «расторопности» каждого чиновника. Хищения и вымогательства принимают характер общегосударственного бедствия.

В 1714 году Петр издает указ, объявляющий всенародно о борьбе с умножившимися лихоимствами: «И дабы впредь плутам (которые ни во что иное тщатся, то чью мины под всякое добро делать и несытость свою исполнять) невозможно было никакой отговорки сыскать, того ради запрещается всем членам, которые у дел приставлены великих и малых, духовных, военных, гражданских, политических, купеческих, художественных и прочих, какое знание оные не имеют, дабы не дерзали никаких посулов казенных и с народа собираемых денег брать, торгом, подрядом и прочими вымыслы... А кто дерзнет сие учинить, тот весьма жестоко на теле наказан, [50] всего имения лишен, шельмован, и из добрых людей извержен, или и смертью казнен будет». Комиссия во главе с Василием Владимировичем Долгоруким вскрыла вопиющие злоупотребления на всех уровнях государственного аппарата, начиная с любимцев царя - Меншикова и Апраксина. По сообщению Б. И. Куракина, Меншиков одних драгоценностей присвоил на полтора миллиона рублей (при государственном бюджете в начале столетия два с половиной - три миллиона рублей в год). Но гроза прошла мимо главных расхитителей, коснувшись лишь менее близких царю и менее злостных преступников.

В итоге сам царь помешал и выполнению собственного указа. Последовавшая вскоре опала и ссылка В. В. Долгорукого и вовсе позволяла считать, что красть все-таки безопасней, чем бороться с этим злом. Генерал-прокурор Павел Иванович Ягужинский высказывался по этому поводу достаточно откровенно: «Мы все ворует, только один больше и приметнее, чем другой». А в 1726 году последовал указ, чтобы приказным людям Юстиц- и Вотчинной коллегий жалованья не давать, а довольствоваться им от дел, по прежнему обыкновению, с челобитчиков, кто что даст по своей воле. Все это полулегальное лихоимство приводило к тому, что до казны доходила едва ли треть податей.

Искоренению зла мешало и весьма противоречивое отношение к доносителям. Петр стремился насадить и в армии, и в аппарате такой порядок, когда нарушение установлений каралось одинаково жестоко независимо от чина и положения нарушителя. От начальства требовалась забота о подчиненном, от подчиненных - беспрекословное выполнение требований начальства. Подчиненный не имел права проходить мимо злоупотреблений начальства и еще более не имел права жаловаться без достаточных оснований. В итоге любой жалобщик или доноситель, как правило, также получал наказание и даже рассматривался как соучастник преступления. Жалоба Прокофия Сталова могла заинтересовать Петра именно потому, что в ней речь шла о рудных месторождениях. «Пробы медных руд», доставленные в Артиллерийскую канцелярию Сталовым и «кунгурениным» И. Шадруковым, с бесспорностью свидетельствовали о богатом месторождении. Но это мало что изменило в положении Сталова. Он был зачислен в Берг-коллегию с жалованьем [51] против солдат», то есть с обычным мизерным солдатским содержанием.

В ходе подготовки к экспедиции на Урал выявлялись все новые проблемы, которые Татищев предусмотрительно стремился решить в Петербурге. Он добивается более четкого определения круга его обязанностей и полномочий, особенно учитывая, что ему пришлось бы столкнуться с враждебной деятельностью тех лиц и учреждений, которые ему предстояло контролировать. К тому же выявилось немало трудностей в подборе необходимого штата сотрудников. Так, вместе с Татищевым должен был выехать знакомый с делом сибирский комиссар И. Тряпицын. Но он находился под следствием в Военной коллегии, и попытки к его освобождению ни к чему не привели. Другого подследственного, Льва Шокурова, напротив, Берг-коллегия рекомендовала «сыскать» в Москве и захватить с собой на Урал. Знакомят Татищева и с самими делами Л. Шокурова и П. Сталова. Самого Татищева тоже надо было освободить от ранее утвержденного в Сенате поручения. Поэтому лишь в марте появляются указы, определяющие новый статус Татищева.

9 марта 1720 года Берг-коллегия изготовила один из основных документов, связанных с предприятием. Это «Инструкция бергмейстеру Иогану Фридриху Блиеру, по которой предложено ему ныне содержать правление». Поскольку Блиер плохо знал русский язык, инструкцию написали на русском и немецком. По традиции, пунктуально (13 пунктов) расписывались обязанности Блиера вроде того, что он должен составить «обстоятельную опись» его собственного мнения о качестве руды и возможностях ее разработки. Коллегию интересовали также находки «куриозных вещей», в чем, видимо, сказывалась рука Брюса.

На Татищева та же инструкция возлагала обязанность организовать все работы, обеспечить дела материалами, рабочими руками и необходимой охраной. Вполне в духе не очень отлаженной системы управления работники и служащие, набранные для выполнения поручения, изымались из ведения местных властей и передавались под полное начальство двух руководителей экспедиции: «Обоим им над рудными делами содержать суд и судить при рудокопии обретающихся людей в приключившихся ссорах». Не забыла инструкция пожелать им и «дружественного соединения». Другим распоряжением [52] от 9 марта на предприятие выделялось пять тысяч рублей, расходовать которые предусматривалось «за рукой» Татищева, а в случае его отсутствия - Блиера. В пути рудознатцев и их казну должны были сопровождать войсковые отряды, расквартированные в Москве, Нижнем Новгороде и Казани попеременно, «сколько человек пристойно». Через Коллегию иностранных дел предполагалось уведомить башкир и татар, чтобы с их стороны не было препятствий поискам руды и созданию заводов.

12 марта в дополнение к ранее данной инструкции Коллегия составила «Пункты капитан-поручику Татищеву, по которым надлежит ему отправлять в Сибирской губернии». «Пункты» расширяли полномочия Татищева, оставляя на его усмотрение вопрос о целесообразности разработок тех или иных месторождений и строительства заводов. Местным властям, губернаторам и воеводам, предписывалось оказывать ему «всякое вспоможение» в такого рода строительстве. В помощь Татищеву выделялся «комиссар к деньгам» (как раз находившийся под следствием Тряпицын) и в помощь комиссару подьячий с Московского денежного двора. Сам Татищев должен был отобрать четырех учеников из Артиллерийской школы для обучения рудному делу.

Не удовлетворившись «пунктами», Татищев обратился за разъяснениями как по поводу размежевания их обязанностей с Блиером, так и в особенности по поводу источников обеспечения предприятия рабочей силой и оплаты труда крестьян. Татищеву советовали использовать старых местных умельцев, а также нанимать из вольных (мастеровых), из дворцовых и монастырских крестьян. В соответствии с пожеланиями Татищева разрешалось также использовать шведских военнопленных. Коллегия предписывает сообщать о ходе найма, а также о населенности смежных с заводами местностей. Не забыл Татищев испросить и «ротного цирюльника», а также «лекаря» и лекарств. В последнем нуждался и он сам. При колоссальной работоспособности Татищев

не отличался здоровьем, и болезни сразу давали себя знать, как только он выходил из определившегося рабочего ритма.

Просьба о выделении лекаря была переадресована в Москву к придворному медику Лаврентию Блюментросту. Лекарства (на двадцать рублей) Блюментрост отпустил, но лекаря дать отказался, ссылаясь на то, что «они все обретаются в военном ведомстве, и все... на местах». [53] Всем специалистам горного дела, отправившимся с Татищевым, было повышено жалованье. Бliersу было положено пятьсот рублей в год, его толмачу и постоянному спутнику Яну Павлу Бривцыну - шестьдесят рублей, бергшрейберу И. Ф. Патрушеву - сто рублей. Рудоискателям («доносителям») П. Сталову и Л. Зуеву увеличили жалованье с шести до двенадцати рублей в год, «школьным ученикам» же платили в полтора раза больше. Сам Татищев прибавки не получил. Ему по-прежнему полагалось сто восемьдесят рублей, соответствующих жалованью по чину. Помимо того, ему выделили «рационы» на двух денщиков (по семь рублей девяносто шесть копеек в год). Выдавались также «прогоны» - проездные на дорогу от Петербурга до Москвы - из расчета по два рубля пятнадцать копеек за одноконную подводку (717 верст конной дороги).

4 апреля уже укомплектованная (за исключением задержанного Тряпицына) экспедиция прибыла в Москву. Здесь руководители встретились с тобольским губернатором Алексеем Михайловичем Черкасским, с которым позднее судьба не раз сведет Татищева. Черкасский передал им медную руду «двух видов» с богатым содержанием металла (более тридцати процентов), найденную под Томском. Образцы были доставлены в Москву жителями Томска Степаном Костылевым и: Федором Комаровым.

Судьба двух искателей также весьма характерна для этого времени. Они добились от князя М. П. Гагарина разрешения искать руду, а также раскапывать курганы (с целью поиска драгоценностей). Но челобитную с визой Гагарина у них отобрали. Когда же Степан Костылев представил томскому коменданту Василию Козлову образцы найденных им медных и серебряных руд, тот «челобитную... бросил на землю... и хотел бить кнутом». Рудоискатели не смирились и направились в Москву заявить о своей находке, ради чего и проделали путь в 3500 верст.

Татищев немедленно сообщил в Берг-коллегию о хождениях по мукам двух сибирских рудоискателей и попросил разрешения взять их с собой. Коллегия удовлетворила просьбу. В Москве же к Татищеву явился пушкарь Никон Шаламов, бывший прежде рудоискателем в Кунгуре, а затем отданный в солдаты. Он также привез с собой, будучи «провожаемым за казною», образцы [54] руды. И его Берг-коллегия разрешила Татищеву взять с собой. В помощь Патрушеву, поскольку тому «одному трудно справиться со счетными делами», он взял Петра Клушина с жалованьем «против молодого подьячего». Клушин оказался ценным помощником и позднее неплохо проявил себя в качестве чиновника в системе управления уральскими заводами. Забрав еще четырех учеников из Артиллерийской школы, Татищев с Бliersом и их сопровождением отплыли 26 мая на струге в Нижний Новгород.

В Нижний Новгород путешественники прибыли только 24 июня. По-видимому, они не слишком спешили, проплывая среди лесов и зеленеющих пойм Москвы-реки и Оки (около 1000 верст). В Нижнем Татищева уже ожидали несколько указов. Один из них уведомлял о пожаловании Татищеву чина капитана (без челобитья и без экзаменов), в связи с чем жалованье ему увеличивалось на 27 рублей в год. Другим указом ему предписывалось провести «розыск об утайке подьячими медных руд под Кунгуром и о запрещении воеводами медной плавки там же». Этот указ был вызван сообщением Голенищева-Кутузова, которого подьячие пытались обмануть, уверяя, будто «руда вынута вся». Татищеву и Бliersу предписывалось также осмотреть Уктусские медные и железные заводы и представить свои соображения о возможности улучшения их работы. Сообщалось, что эти заводы вместе с приписными к ним крестьянами переходили в

ведение Берг-коллегии. Позднее, 28 ноября 1720 года, Сенат узаконил это изъятие из местного подчинения части крестьянского населения с передачей его в ведение ведомственного начальства. Для улучшения работы Уктусских заводов предусматривалось выделение дополнительных средств с Денежного двора.

11 июля экспедиция прибыла в Казань. Здесь к Татищеву явился швед, попавший в плен под Полтавой, а затем перешедший на русскую службу, Иоганн Берглин. Поддерживая просьбу Берглина отпустить его на горные заводы, Татищев дает Берг-коллегии самый лестный отзыв о шведском капитане. «От младенчества своего возрос и обучался горным делам в Фалуне, где вотчим его был заводчиком», - замечает он, в частности. Казанский губернатор не стал препятствовать, и коллегия удовлетворила ходатайство. Здесь же Татищев пытался присоединить к своей группе и еще одного пленного [55] шведа - капитана Ригеля, который, по уверениям Татищева, был «искусный химикус». Но «химикус» сидел в «железах» за убийство черемиса во время неудавшейся попытки к бегству.

За несколько дней пребывания в Казани Татищев по заведенной привычке обследовал все артиллерийское хозяйство города, пороховые погреба. Внимание его привлекла одна старая пушка «с персоною и гербом короля гиспанского», о чем он и сообщил в личном письме к Брюсу. Суконные предприятия, по наблюдениям Татищева, работали без необходимого напряжения и должной отдачи. «Взяв деньги из казны, - писал он об их владельцах, - о деле не весьма радеют, а довольствуются, что освобождены от служб и постоя». Неудовлетворительным нашли Татищев и Блиер также состояние медных плавилен на реке Сарали, отданных на откуп казанским предпринимателям. Татищев советовал коллегии передать эти предприятия в другие руки.

В Кунгур прибыли 30 июля. Татищев и Блиер ехали туда почтовой дорогой, а их спутники - водой по Каме. Здесь им уже были выделены казенные дворы и кое-какие материалы. Слух о прибывших распространился и за пределы воеводской канцелярии. И здесь к Татищеву шли старатели. Крестьянин Федор Мальцев и татарин Боляк Русаев принесли образцы руд из разных месторождений, либо неизвестных местному начальству, либо из тех, где, по их уверению, руда «вынутався». Татищев выдал рудоискателям по два рубля «за их усердие, паче же для прикладу другим, чтобы всяк охоту лучше возымел». Оба были приняты на службу с платой по 90 копеек в месяц. Осмотрев местные рудники, Татищев и Блиер немедленно приступили к делу: нанимали рабочих, изыскивали необходимые материалы. Берглин непосредственно следил за ходом работ.

В обязанности Татищева входило и проведение розысков по целому ряду дел. Розыски дали, в сущности, ту же картину, что царила и на самом верху бюрократической лестницы. Может быть, лишь с меньшим размахом поборов и присвоений и с меньшим опасением за последствия противозаконных действий.

Разработка металла на Урале была известна с незапамятных времен. В XVII веке здесь действовало около 50 небольших железоделательных заведений, созданных главным образом радением крестьян. С конца XVII [56] столетия начались и небольшие медные разработки, по преимуществу в старых, заброшенных многие столетия назад ямах. В связи с ростом потребностей казны этому делу придается государственное значение. Но такой поворот вызвал новые сложности. Получив в 1713 году указание разрабатывать медные руды, местные воеводы, в частности Леонтий Шокуров со своим сыном Львом, увидели в этом возможность погреть руки. Именем государства обязывая крестьян работать (на заготовке леса, подвозке материалов и руды и т. п.), они не только не давали им никакой платы, но и не засчитывали выполненных работ, как было положено, в подушную подать. Кроме того, Шокуровы обременяли местное население всевозможными поборами, обязанностью поставлять для них бесплатно подводы и содержание во время их разъездов по округе. В итоге многие крестьяне бежали дальше в Сибирь, а самодеятельное заведение новых предприятий практически прекратилось из-за противодействия основной массы крестьян, местных вотчинников и начальства.

При преемниках Шокурова, Воронежском и Усталковом, положение стало еще хуже, поскольку эти воеводы вообще запрещали какое-либо предпринимательство. Специальные заставы ловили крестьян, отправляющихся на поиски руды или пытающихся добывать ее. Фактически прекращена была плавка и на многих ранее действовавших заводах якобы за неимением руды. В данном случае «интерес» местного начальства удовлетворялся за счет местных землевладельцев, прежде всего Строгановых, которые ради сохранения за собой бежавших из центра крестьян действовали буквально кнутом и пряником, искореняя уральские заводы. Строгановские приказчики прямо заявляли рудоискателям: «Если станешь руду искать без указа, и у меня есть про тебя дубина». Та же судьба ожидала рудоискателя и в том случае, если ему удавалось заручиться указом. Фактическое бесправие всего населения -основной лейтмотив феодального права, даже если феодальное государство и берется навести какой-то порядок.

Розыскные дела тяготили Татищева. Виновных было слишком много, а главных виновников было вообще не достать. Охотиться за приказчиками, действовавшими по поручению Строгановых, не имело большого смысла, а воевод Воронежского и Усталкова к делу привлечь не [57] удалось, так как они на месте не оказались, и никаких средств для вызова их по делу у Татищева не было. Розыски создавали Татищеву массу врагов, но основной его задаче помочь не могли. Поэтому он просит Берг-коллегию, «понеже сии дела немалого труда и времени требуют, и есть не без повреждения прочим делам, а прибутку, яко видимо, из онаго уповать неможно, того ради просим, дабы сие как возможно милостию прекратить».

Сам Татищев завел порядки, совершенно необычные для здешних мест. Он купил лошадей, чтобы не обременять местное население подводной повинностью. В длительных же и дальних дорогах проезд неукоснительно оплачивался согласно действующим ценам. Окрестному населению было объявлено, что за открытие новых месторождений меди и других ископаемых будет выдаваться вознаграждение. В Берг-коллегию он доносил, что «ныне же обыватели, видя, что им тягости никакой нет, приходят свободно и с охотой руды являют, и хотя не всегда годныя, однакож мы с ласкою их отправляем, дабы тщились лучше искать; работников нанимаем по 6 рублей в год, и оные являются, имея надежду избежать тем солдатства».

Татищев хорошо понимал, что именно заставляет крестьян идти за столь небольшую плату в рудокопы. Но больше из своих скудных средств он выделить не мог, а по сравнению с предшественниками это была даже непривычно значительная плата.

В итоге хозяйничанья царских воевод медеплавильное дело в Кунгуре находилось в таком запущенном состоянии, что в ближайшее время выплавку меди нельзя было возобновить. В коллегию он доносит, что необходимо создать достаточный запас руды, и рассылает повсюду «охочих людей» для ее поисков. Дело это также было не из легких. Так, Боляк Русаев, отправившийся в прилегающие к Кунгуру башкирские земли, был едва не убит башкирами, несмотря на имевшуюся у него грамоту на татарском языке. Татищев предложил коллегии приписать прилегающую к Кунгуру 21 деревню к заводам. Он был убежден, что это решение будет положительно встречено и самим населением, «понеже между ними многие воровством промышляют, а от начальства удалены, и в том есть добрым не без тягости». Коллегия пошла другим путем, воздействуя через Сенат на башкирских батыров, [58] дабы искателям не чинили препятствий. Позднее же эти деревни все-таки были приписаны к заводам.

Среди шведских военнопленных Татищеву удалось разыскать лекаря. Коллегия согласилась передать его в ведение Татищева, положив достаточно высокое жалованье - восемьдесят рублей в год. Было разрешено также «сыскать» из числа военнопленных «географа, и ландкарту велеть ему сделать добрым порядком и с прямым размером, где бы назначены были знатные города и всякие заводы и рудные места, а выдать ему за труд,

что он запросит». Идея составления ландкарт всей территории России, ранее выдвинутая Татищевым, никогда не покидала его до конца жизни.

Еще одна идея сопровождала Татищева всюду, где он начинал свою деятельность: заведение школ. Еще будучи в Германии и других «европейских странах», он внимательно изучал состояние школьного дела. По замечанию автора изданной в ГДР монографии о Татищеве Конрада Грау, в школах, учреждаемых Татищевым, явственно проступает хорошее знание западноевропейской организации этого дела. Прибыв в Кунгур, он немедленно обращается в коллегия за разрешением набрать «человек 30» «из обретающихся в Сибирской губернии дворянских детей» и не отосланных в Петербург. «А ежели таковых недовольно будет, - добавлял Татищев, -- то подъячих детей и обучать горным делам». «Дворянских детей», «не отосланных» в Петербург, найти в Сибирской губернии не смогли: они попрятались основательно. Но коллегия разрешила открыть школу для детей разночинцев, чтобы «обучать их цифири, геометрии и горным делам». Уже в 1721 году такая школа начала занятия.

Татищев обратил внимание и на то, что Урал весьма богат железными рудами. Однако он не видел возможности использовать это богатство через посредство казны. Поэтому он рекомендует коллегии отдавать железоделательные предприятия с рудниками «охочим людям». Подыскивать же «охочих людей» коллегия порекомендовала самому Татищеву.

Татищев всегда с большим уважением относился к частному предпринимательству, усматривая в нем мощный рычаг общего подъема экономической жизни страны и повышения общественного благосостояния. Но он представлял на Урале казну. Поэтому все, с его точки зрения, выгодное для казны он стремился сохранить за ней. [59]

Одним из главных железоделательных предприятий, где Татищеву и Блиеру предстояло навести порядок, был Уктусский завод, основанный в 1702 году по инициативе думного дьяка Андрея Андреевича Винуса - сына известного родоначальника тульских мануфактур. Завод стоил казне свыше шести тысяч рублей. До 1720 года здесь было выковано около ста тысяч пудов железа и около четырех тысяч пудов меди, по 21 копейке за пуд железа и по 1 рублю 52 копейки за пуд меди. Но к 1720 году завод также пришел в упадок. Здесь свирепствовал Акинф Демидов, приказчики которого «казенных людей» с рудников сгоняли и «копать руду им запрещали». Как и всюду, крестьяне, не получая платы за свой труд, уклонялись от заводских работ. Аналогичная ситуация складывалась и на Алапаевском заводе, который коллегия забыла включить в сферу забот Татищева. Татищев по своей инициативе выделил семьсот рублей для оплаты «рабочих с воли», то есть тех же крестьян, за определенную плату.

И в Уктусе необходимо было разбираться в различных махинациях прежнего управления. Татищев с Блиером прибыли туда 29 декабря 1720 года. Первое, что бросилось в глаза Татищеву, - неудобное расположение завода. Рудники на Шиловской горе были в запущенном состоянии, но могли дать достаточное количество высококачественной руды. Однако речка Уктус, на которой располагался завод, была настолько маловодной, что из шести имевшихся на заводе молотов она приводила в движение лишь два, «и то с немалым простоем», как доносил Татищев в коллегия. Татищев предложил перенести завод на речку Исеть, притоком которой являлся Уктус. Подготавливая предложение, он провел своего рода технический совет, на который пригласил своих сотрудников и шведских военнопленных, сведущих в горном деле. Такого рода совещания он будет постоянно проводить и впредь.

В предложении коллегии подробно обосновывались преимущества перемещения завода. Многоводная Исеть будет в состоянии приводить в движение даже в сухое время двадцать молотов, а в остальное время до сорока молотов. Новое место было вдвое ближе к рудникам и богато лесом. По расчетам Татищева, завод мог бы давать ежегодно до двухсот тысяч пудов железа - немногим менее половины всего производимого в это [60] время в России железа. Татищев испрашивал 25 тысяч рублей, «но не вдруг», то есть

частями, обещая, что затраты окупятся за пять лет «или даже ближе». Себестоимость железа здесь не должна была превышать двадцать копеек, продавать же его можно было по сорок копеек за пуд.

Не дожидаясь решения коллегии, Татищев начал подготовительные работы, заготавливая лес и необходимые материалы для строительства. Но вопреки ожиданию коллегия его начинания не одобрила. Она находила, что «железных заводов везде довольно, и лучше заводить серебряные, серные и квасцовые да лес под Уктусом надобно беречь». Похоже, что в дело включались невидимые для Татищева силы. Пришлось, останавливая начатое строительство и снова бомбардировать коллегия письмами. Наталкиваясь на противодействие в Петербурге, Татищев начинает все более настороженно относиться и к членам коллегии, подозревая многих из них в простом саботаже и нежелании содействовать действительному укреплению мощи России.

Получив отказ, Татищев предлагает коллегии хотя бы частичное решение: медная плавка остается на Уктусе, а железная переносится на новое место хотя бы в имеющемся размере. Он поясняет, что это необходимо сделать как раз для сохранения лесов. К тому же домны все равно развалились, и без значительных затрат возобновить производство железа невозможно. Даже строительство плотины на Исети, по расчетам Татищева, должно обойтись дешевле, чем восстановление плотины на Уктусе. С этим предложением коллегия согласилась. Но начало работ требовало отложить до приезда берг-советника Михаэлиса.

Проект Татищева был осуществлен полтора года спустя де Геннином, который построил здесь завод и крепость, названную им в честь Екатерины - супруги Петра - Екатеринбургом. Татищеву же в 1722 году пришлось под присягой отвечать, почему им не были построены новые заводы вместо расположенного на неудобном месте Уктусского. И он оправдывался «многочисленными» донесениями в коллегия, куда были направлены и соответствующие чертежи. Невидимая сила направляла против Татищева даже то, что как раз свидетельствовало в его пользу.

Михаэлис прибыл на Урал лишь в январе 1722 года, [61] когда Татищев собирался отъезжать по разным делам в Москву и Петербург. Михаэлис попал в Россию незадолго до этого из Саксонии и был поначалу определен вице-президентом Берг-коллегии. С должностью он явно не справлялся, и решено было «сплавить» его на Урал. 18 марта 1721 года Татищева известили о предполагавшемся назначении, причем уверяли, что Михаэлиса направляют «в помощь ему». Но такого рода помощь Татищеву была не нужна. К тому же чин берг-советника автоматически делал Михаэлиса первым лицом на Урале, Татищев справедливо увидел в этом назначении интригу, выразившуюся в недоверии к нему. Он разъясняет коллегии, что вся его деятельность определяется интересами «государственного прироста». «Ежели бы я хотел себе прироста, - замечает он, - то непотребно более, чтобы только умолчать, за что видел и слышал себе довольные обещания; но, все оное презрев, желаю остаться лучше с честью в вашей милости, чем с богатством стропотным». Татищев предлагал, если ему не доверяют, прислать кого-то с большими полномочиями и «учинить Горное начальство, которому и дать власть». Его беспокоило, что коллегия не дает ответа на целый ряд донесений. Он еще не знал, что многие из этих донесений и не были получены в Петербурге: их перехватывали агенты Демидовых. Другие же его опасения были совсем недалеки от истины. Многие берг-советников раздражала независимость Татищева, его последовательное неприятие самой немецко-голландской терминологии, пронизывавшей в то время переписку всего бюрократического аппарата.

Коллегия поспешила заверить Татищева в своем расположении, уведомив, что «она им довольна и за службу его к чести и награждению всегда будет помнить». Но с решением вопроса о строительстве хотя бы малого завода ему пришлось ждать Михаэлиса. А тот на Урал явно не торопился. С марта до июля он добирался до Казани, а дальше не поехал за отсутствием денег. Даже коллегия удивилась, куда он смог столь

скоро истратить довольно крупную выданную ему сумму денег. Наемник же вел себя в России как истинный наемник: тратил деньги на свои прихоти и огромный, абсолютно ненужный штат из своих земляков, ничуть не радея о «государственном прибытке». Позднее де Геннин доносил царю и кабинет-секретарю Макарову, что Михаэлис «без [62] потребности много чинов написал, и по оному может больше в расходе на жалованье, нежели в приходе прибыли быть».

Для продолжения пути Михаэлис требовал триста рублей - в полтора раза больше годового жалованья Татищева. Тем не менее Татищев просит казанского губернатора выделить эти деньги: потери от того, что стоят некоторые неотложные дела, еще значительней. Губернатор же увидел в этом требовании Михаэлиса простое рвачество и наотрез отказался выделить запрошенную сумму. В конечном счете под гарантию Татищева деньги ссудил казанский торговый человек Федор Микляев, лично знавший Василия Никитича. Но все эти затраты оказались напрасными. И по приезде на Урал Михаэлис не спешил приступить к делу. Он занялся собственным устройством, приглашением и обеспечением лютеранского пастора, а по остальным вопросам «решения никакого не явил». Такая обстановка побуждала Татищева поторопиться с поездкой в Москву и Петербург.

Картина развала, нарисованная Татищевым в донесениях, распространялась на самые разные сферы хозяйства и жизни края. Весь 1721 год, можно сказать, прошел в борьбе с этим развалом, в борьбе, подчас бесплодной, так как во многом она зависела от самой системы. Петр искренне стремился к подъему экономики страны, но по иронии судьбы нередко способствовал усугублению неразберихи. Сказывались издержки того положения, когда место общего для всех государственного закона занимала милость или немилость самодержца. Сохранявшийся принцип феодальных пожеланий, в том числе и отдельным крупным предпринимателям, входил в противоречие с общей тенденцией к укреплению бюрократической централизации.

К приезду Татищева на Урале господствовали Демидовы. Им не стоило большого труда либо оттеснить, либо подкупить царскую администрацию. Создание Берг-коллегии было своеобразным выделением еще одной вотчины, которая защищала интересы казны и от частных заводчиков, и от казенной же, казалось бы, местной администрации. При этом даже Брюсу приходилось считаться с реальной расстановкой сил при дворе, дабы избегать конфликтов с «сильными мира сего». Что же касается остальных сотрудников коллегии, их заботы чаще всего не шли далее удовлетворения собственных [63] корыстных интересов, как это можно было видеть на примере того же Михаэлиса.

Алапаевский завод коллегия в итоге передала в ведение Татищева и Блиера, и оба начальника отправились туда, чтобы на месте ознакомиться с положением. Вблизи картина оказалась еще более мрачной, чем на расстоянии: «Лари текут, молоты за недостатком воды, а домны без руды и угля стоят, строения перегнили... Крестьяне за дальнею ездою, паче же, что работа им в платежи не засчитана, не слушают». Татищев отмечает бестолковое распределение приписных крестьян к заводам: «Которые слободы сюда близки, те приписаны к Каменскому заводу, а к здешним приписаны слободы, лежащие за Каменским заводом отсюда более 130 верст, и оттого людям тягость. Управляющий заводом Лука Бурцов - пьяница и дурак, строений непотребных завел, а нужных не починал». Передав управление военнопленному шведу Биоркману, Татищев ожидал указа относительно его официального назначения.

Алапаевский завод был построен в начале столетия силами крестьян «без платы и без зачета». В 1711 году на нем были поселены 267 шведских военнопленных, некоторые с женами и детьми. Пленные получали определенное содержание, занимались мелкой торговлей, шинковали. Кое-кто из нижних чинов нанимался и на работы за 35 копеек в месяц (на летние месяцы; зимой шведы не работали за «скудостью»). Часть их уходила к Никите Демидову, где была особая, шведская, деревня. Татищев стремился привлечь шведов к работе на заводе, увеличив им жалованье. Он добился также специального указа

о разрешении им жениться на русских, не переходя из протестантства в православную веру, надеясь таким образом вообще закрепить их в России.

Получив подробное уведомление о состоянии Алапаевского завода, Берг-коллегия снова пересмотрела свое решение и предложила Татищеву либо вернуть завод назад в губернию, либо отдать частному лицу «без приписных крестьян». На завод ранее претендовал Никита Демидов. Но его интересовали как раз приписные крестьяне. В губернию Татищев возвращать завод отказался, убежденный, что крестьяне «от непризнания весьма разорятся, и прибытка никакого не будет». Мысль о передаче завода в частные руки он поддержал, но оговорился, что без приписных крестьян «охочие люди» не найдутся. [64]

Покупатель скоро явился. Это был крестьянин Строгановых Сидор Белопашцев, занимавшийся отправкой казенных металлов в Москву. Татищев объявил торги, но конкурентов у Белопашцева не оказалось. Он обещал выплатить за десять лет стоимость всех заводских сооружений, давать положенную десятину металлических изделий казне, выплачивать подати с приписных крестьян и т. д. Татищев поддержал притязания нового владельца на приписных крестьян, но требовал, чтобы выплаты с крестьян проводились не по данным последней ревизии, а и с «новоприбылых крестьян».

Несовершенство государственной системы обложения было Татищеву хорошо известно. В центре владельцу крестьян необходимо было вносить подати и за беглых. Здесь ситуация была иной: реальное число крестьян было большим, чем значилось по ревизским сказкам. Белопашцев, очевидно, знал это не хуже Татищева. Поэтому этого татищевского условия он не принял. Он ссылаясь на реальную практику: у Демидова «ныне слобод и иные сборы разве вдесятеро умножились, и от того есть ему, кроме промыслу, прибыток великий: мне же без поравнения с ним сих пунктов обещать невозможно, ибо от того могу разориться».

Отстаивая перед коллегией мысль о целесообразности передачи приписных сел с заводом, Татищев заверял, что это будет выгодно и для губернии, и для крестьян. Губерния таким образом избавлялась от «труда и недоборов» (поскольку подати за крестьян выплачивал заводчик), «крестьяне же без тягости зарабатывать могут», то есть будут избавлены от необходимости работать «без платы и зачота». Но и то и другое коллегию мало интересовало, поскольку она непосредственных выгод от этого не получала. В данном же случае доношение Татищева вместе с «уговором» и вообще не дошло до коллегии. В итоге дело не было доведено до конца. Оно попросту пропало. Кто-то аккуратно проверял переписку Татищева и изымал важные дела. Как правило, дела, затрагивавшие интересы Демидовых.

Татищев находил необходимым образовать специальное горное начальство, в ведение которого должны были войти все уральские заводы. Уступая этим настояниям, коллегия осенью 1721 года учредила Сибирское высшее горное начальство, представленное Татищевым и Бliersом. Но если Татищев стремился создать такое [65] учреждение ради, как бы теперь сказали, комплексного освоения края, то коллегия ставила более скромные задачи: выглядеть не хуже других коллегий и ведомств. Татищев предложил ввести особые должности шихтмейстеров, дабы контролировать деятельность заводчиков, не разрешая им произвольно изменять зарплату, увольнять (а также набирать) мастеров и рабочих, скрывать продукцию и т. п. Коллегия уклончиво отметила, что «оное учинено будет впредь, смотря по размножению руд и заводов». Брать на себя ответственность за положение на частных заводах она явно не хотела.

По тем же соображениям коллегия не разрешила взять «под свое правление» один из крупнейших казенных заводов - Каменский. Хотя завод, как сообщал Татищев, «от небрежения весьма развалился», мастера подсказывали, что «возможно оный малыми деньгами исправить и в состояние доброе привести и потом добрый прибыток уповать». Коллегия не захотела принимать на себя лишних забот и оставила завод в ведении сибирской губернской администрации, а Татищеву посоветовала связаться по этому

поводу с губернатором, то есть А. М. Черкасским. Во время одной из поездок в Тобольск в марте 1721 года Татищев попросил у Черкасского разрешения осмотреть завод. Тот не принадлежал к числу активных административных деятелей, но такого рода просьбу, естественно, удовлетворил. В свою очередь, и Татищев не стал вопреки обыкновению задерживаться на деталях, а ограничился общим советом: закрыть на заводе производство железа, «за скудостью лесов», и ограничиться выплавкой чугуна для производства пушек. Впоследствии так и поступили. Но это было позднее.

Забываясь о «прибытке» казне, Татищев настойчиво изыскивает средства удешевления выпуска продукции то за счет более экономной добычи руд, то с помощью сокращения перевозок, то посредством внедрения более совершенной технологии. Но он ни в коей мере не стремится достигнуть кратковременного эффекта. Напротив. Его взгляд устремлен в будущее. Поэтому так настойчиво в разных доношениях и во внутренних инструкциях ставит он вопрос о сохранении лесов. Подробно расписывается порядок использования леса на строительные работы и на дрова с таким расчетом, чтобы не наносился ущерб естественному восстановлению лесных площадей, кстати, к этому времени уже основательно расстроенных [66] хищнической эксплуатацией. С этой целью он пытается организовать лесопильню - одно из недешевых новшеств его времени. (Распилка леса обычным, домашним способом приводила к огромным потерям за счет отходов.) Принимается ряд жестких распоряжений против лесных пожаров и пожаров вообще, столь распространенных именно из-за отсутствия предупредительных мер.

Еще одно направление деятельности Татищева - забота об улучшении дорог. До сих пор дороги интересовали правительство главным образом как источник доходов. Создание централизованного государства не повело к устранению внутренних таможенных барьеров. Приезжая в Сибирь, торговцы обязаны были платить пошлину в размере десяти процентов стоимости товара. В итоге заинтересованность казны состояла в том, чтобы не допустить прокладывания новых «незаконных» дорог.

Путь в Сибирь был открыт еще в домонгольское время новгородскими купцами, и проходил он тогда через северную часть Уральского хребта. В 1596 году была найдена более южная дорога от Соликамска к Верхотурью и далее по реке Турее. В Верхотурье и собиралась пошлина. Дорога эта, однако, была весьма неудобной. В одних местах она была труднопроходимой из-за болот, в других - тяжелой из-за гор. Летом ею почти не пользовались. К тому же, например, из Поволжья нужно было делать большой крюк на север. Между тем более удобный путь был найден. Он проходил через Кунгур и Уктус к Ирбитской ярмарке. Этим путем украдкой ездили купцы из Казани и Вятки, избегая уплаты пошлины (если не считать платы за постои в Демидовских слободах). Татищев занялся приведением в порядок дороги от Кунгура до Уктуса, где с разрешения коллегии были поставлены почтовые корчмы. В Тобольск же он отправил доношение с обоснованием целесообразности перенесения основного тракта с Верхотурья в более южные районы. Татищев отмечал два обстоятельства: дорога эта все равно используется, и, скажем, отправляясь в Демидовские слободы с хлебом (хлеб пошлиной не облагался), крестьяне и купцы свободно могут провозить (и провозят) товары, обкладываемые пошлиной. Другой момент чисто экономический. За счет сокращения пути купцы выигрывали до сорока процентов от их обычной прибыли. Такое повышение прибыли повело бы к расширению торговли и соответственно росту доходов казны. [67] Польза от перенесения основного тракта казалась Татищеву настолько очевидной, что он не сомневался в немедленном утверждении его предложения и начал работы как по благоустройству новой дороги, так и по определению местоположений будущих застав на возможных объездных путях. Из Тобольска, однако, ответили, что «прочия дороги, кроме Верхотурья, ... хотя, может, оныя дороги в проезде и способнее, ... запретить, и теми дорогами с товары и без товаров никому не ездить, и не пропускать». Предписывалось поставить (в избранном Татищевом месте, а также дополнительно) ряд застав, с размещением на каждой из них по 15 драгунов. Самое большее, на что могло согласиться

губернское начальство, - это разрешение на проезд в Ирбит торговых людей из Казани, Уфы и Кунгура, то есть прилегающих областей. Но и их этим путем разрешалось пропускать только на ярмарку. Так, вместо упорядочения сообщений между и без того удаленными районами страны служебная ревность и верность чиновников царскому указу создали дополнительную путаницу. Этой путаницей не преминули воспользоваться Демидовы, больше всех выигрывавшие от существования нелегального пути через их слободы.

Заботами удешевления провоза уральской продукции, в частности идущей на внешний рынок и вообще в северные районы страны, было вызвано и еще одно предложение Татищева. Он внес проект создания водного пути от Урала до Архангельска через озеро Кельтму, из которого вытекали реки как в Камский, так и в Печорский бассейн. Позднее проект был заново предложен Геннином. Вернулись к нему также во времена Екатерины II. Реализован же он был лишь в 1822 году, когда торговое значение Архангельска уже резко упало.

На реке Исети, куда предполагалось перенести Уктусский завод, Татищев замыслил создание большого экономического центра. На вновь осваиваемое место предполагалось перенести и Ирбитскую ярмарку. Татищев вообще усиленно рекомендовал разным чипам, населявшим край, пользоваться местными условиями для развития разных ремесел и расширения торговли. Так, он советует крестьянам и работным людям приобщаться к токарному, черепичному, стекольному, часовому и другим видам ремесел, в продукции которых была либо местная, либо государственная потребность. Обосновывая в Тобольске целесообразность перенесения ярмарки на Исеть, он имел [68] в виду и то, что мастера и рабочие, имея доход от мелкого торга, легче будут мириться с довольно низкой государственной оплатой их труда. Кроме того, он надеялся таким образом изменить отношения между русскими и башкирами: башкиры будут ездить на ярмарку и «постепенно придут в лучшее обхождение и любовь с русскими». Позднее, в 1730 году, Татищев задачу правителей государства видел: «1) во умножении народа; 2) в довольстве всех подданных; 3) побуждение и способы к трудолюбию, ремеслам, промыслам, торгам и земским работам», Этими установками он руководствовался и вовремя своей уральской деятельности.

Урал впитал в свои удаленные от поисковых команд волости много беглых из центральных губерний. Много их было в слободах Демидова, «откуда выдачи не бывает». Немало было и на казенных предприятиях. Только в слободах, приписанных к Уктусским заводам, из 1373 дворов было «пришлых», не вошедших в перепись 1710 года, 372 двора. В Уткинской слободе практически все население (свыше пятисот душ обоего пола) состояло из «пришлых». После того как все население приписных слобод сначала фактически, а затем (с декабря 1721 года) и вполне официально перешло в ведение Татищева, на него была возложена обязанность отыскания и возвращения прежним владельцам беглых. Татищев, однако, от этого дела уклонялся. В доношениях коллегии он стремится обосновать нецелесообразность этой меры и трудности ее осуществления. Он ссылается на то, что многие пришлые появились в этом крае более сорока лет тому назад, а затем в 1709 году были разогнаны башкирами, после чего вернулись на свои места «с приумножением». Откуда появились «приумноженные», можно догадаться: в том же 1709 году тысячам крестьян пришлось разбегаться от карательных команд, действовавших на юге России. Но Татищев как бы рассчитывает и на них распространить срок давности. Сообщение же о жертвах, понесенных беглыми переселенцами от мятежных башкир, являлось как бы напоминанием о древнерусском обычае - давать свободу холопам, бежавшим из вражеского плена. Главным же аргументом Татищева были, конечно, соображения казенной выгоды: если беглых вернуть, то на заводах никого не останется и их придется закрыть.

Немало было при заводах и деклассированных элементов. Татищев доносил, что «на Уктусе 140 дворов, [69] которые торгом и заводскою работою кормятся, а в казну

ничего не платят». Он предлагал обложить их податями «против крестьян», «ибо хотя они пашен не имеют, но могут более заработать, и чем более оклад, тем полезнее, понеже здешний народ так ленив, что, получив за данную плату 4 или 5 коп., лежит неделю, разве пропьет, или проиграет, или ему сверх надлежащего на день прибавят 1 коп., то он станет работать, но недолго». Татищев рассчитывал, что введение государственного налога заставит этих «гулящих людей» работать постоянно. Он и сам хотел возложить на них по одному рублю оброка на заводские нужды. Но должен был отказаться от этой затеи, поскольку «гулящие» пригрозили уйти к Демидову»

Описанная Татищевым категория беглых явилась, конечно, порождением крепостнической системы и безудержного усиления норм эксплуатации. У определенной части населения в итоге вырабатывалась ненависть к труду, переходившая в то апатическое состояние, которое Татищев, как будто и не без оснований, именует «ленью». Татищев думал заставить их работать, с одной стороны, путем повышения платы, а с другой - искусственным увеличением потребности в деньгах - установлением налога. Коллегия, однако, решила этот вопрос иначе. Она предписала желающим записаться для работы на заводах с освобождением от солдатской и прочей службы, но с постоянным прикреплением их к заводам, а тех, кто не пожелает пойти навечно в заводские работы, отправить в центральные губернии согласно указам о беглых. Большинство вольноопределяющихся пошло на заводы. Но возникший здесь небольшой резерв свободных для найма рук был таким образом исчерпан.

В тяжелом положении находились крестьянские и приписные слободы. После того как последовал указ о передаче их в ведение Берг-коллегии, губернские подьячие поспешили ободрать крестьян как липку. Они полностью взыскали подати за 1719 год, выбили недоимки за прошлые годы и полностью сорвали с крестьян плату за 1720 год, причем подьячие, по обычаю, от каждого двора вжимали по десять копеек своей доли. В результате крестьяне, естественно, отказывались выполнять какие-либо заводские работы. Татищев доносил Черкасскому, что вследствие незаконной «инициативы» служащих, действовавших по указу вице-губернатора Петрово-Соловова, «на заводах не припасено ни угля, ни руды, денег нет [70] для найма с воли, мастеровые разбрелись, а наделанное железо не перевезено на пристань и лежит на складах при заводах». Но разрешить все эти вопросы в условиях, когда власть персон была выше закона, было, по существу, невозможно. Самое большее, чего можно было добиться, - не допустить подобных безобразий в будущем.

Впрочем, по вопросам, не составлявшим затруднений, Черкасский шел навстречу Татищеву. Он не возражал против перераспределения слобод между заводами для сокращения дальних перевозок. Согласился он также выделить специального судью, дабы не посылать тяжущихся в Тобольск и не отрывать их на длительный срок от дела. Сначала он предложил Татищеву взять эти обязанности на себя. Но тот отказался, поскольку обычный судебный «прибыток», ради которого, очевидно, и сделано было предложение, его не интересовал. Дел у него и без того было несчетное количество. Но там, где речь шла о явных злоупотреблениях чиновников, а также интересах сильных мира сего, Черкасский был более чем уклончив.

В 1718 году для взимания податей с сельского населения были введены должности земского комиссара и земского писаря со штатом специальных надзирателей и сборщиков. Попутно эти должностные лица должны были вообще следить за порядком. Татищев, получив официально в управление приписные слободы, также немедленно назначил земским комиссаром в Уктусские слободы Степана Неелова, «опытного подьячего, человека доброго и не пьяницу», а Алапаевские слободы поручил заводскому комиссару Ивану Абрамову, выделив им в помощь мостовых и лесных надзирателей, и т. д. Положение о земских комиссарах сопровождалось подробными инструкциями Камер-коллегии, в которых разъяснялось, что должны и чего не должны делать комиссар и писарь. Татищев этими инструкциями не удовлетворился и от себя дал дополнительное

наставление Неелову, в частности: «Смотреть накрепко, чтоб на заводы пахотных крестьян без крайней нужды в рабочую пору не наряжали, чтобы во всяком случае крестьянам работы их на заводах засчитывались в подати и по той цене, какую получают вольнонаемные рабочие... Надзирать и за судьей... чтоб напрасно крестьянам обид и нападок не делал... Малые ссоры между крестьянами стараться решать самому и прекращать миролюбиво».

Особое внимание Татищев неизменно уделял школам. Побуждать к обучению грамоте и иному предписывалось [71] и в инструкции земским исправникам. Однако никто с них за это не спрашивал и никто этим практически не занимался. В 1721 году в Кунгуре и Уктусе были открыты «высшие» учебные заведения, куда учениками принимали уже тех, кто был обучен письму. Здесь изучали арифметику, геометрию и горное дело, с тем чтобы сразу готовить специалистов для заводов. В августе 1721 года в Уктусе было двадцать девять и в Кунгуре двадцать семь учеников (четырнадцать изъявивших желание учиться были отпущены назад, поскольку «грамоте не знают»). Учителями были ученики Артиллерийской школы Братцов и Одинцов. Они занимались этим попутно со своей основной работой, без дополнительного жалованья. Но учителю разрешалось «взимать себе» за труд от родителей по возможности, если родители были зажиточными. В то же время Татищев требовал допускать к учению и неимущих, и от них предписывалось ничего не требовать.

В начале XVIII века учеба в школах почиталась по тяжести чем-то вроде солдатской службы. С 1714 по 1722 год открытые по губерниям цифирные школы приняли 1389 учеников, а окончили их лишь 93 ученика. Остальные разбежались. Татищев поэтому изыскивает самые разные способы, чтобы «заинтересовать» недорослей и их родителей в учебе. Он попытался привлечь в школы довольно многочисленных дворянских «нетчиков» (нетчик - от «нет» - не находящийся налицо), укрывавшихся от службы. Но тобольское губернское начальство, естественно, заверило Татищева, что таких не имеется, а Берг-коллегия резонно советовала не связываться с этим делом: пришлось бы разбираться, почему недоросли своевременно не явились на смотры, а потом договариваться с Военной коллегией об освобождении их от службы в армии.

С разрешения Берг-коллегии Татищев установил рацион обучающимся в школах сиротам и детям бедных родителей по полтора пуда ржаной муки в месяц, а также по рублю в год на одежду. Для тех же учеников, кто имел в год более десяти рублей, та же помощь за счет казны полагалась лишь на последней стадии обучения.

Наряду с «высшими» школами были созданы и «низшие». В Алапаевской школе училось тридцать два человека. В слободах выделялись особые избы для школ, где священникам и другим церковнослужителям предписывалось обучать хотя бы по десяти крестьян в слободе. [72] Сопротивлялись этому начинанию, естественно, не только служители культа, на которых возлагалась лишняя повинность, но и сами крестьяне. Поэтому Татищев пользовался любым случаем для разъяснения крестьянам прямой выгоды для них отдавать детей в обучение. Так, рассмотрев жалобу крестьян на приказчиков, он распорядился 21 июня 1721 года: «Объявить крестьянам, что жалобы их на приказчиков многие в разных обидах некоторые уже исследованы. Однако мужикам одним управиться невозможно; також в сборах денежных и работах заводских, за незнанием письма, нужда им поверить подьячим, которые уже обыкли в шалостях; и в том крестьянам может быть тяжчайшая обида. Того ради велеть лучшим мужикам детей своих грамоте обучать, хотя б читать умели, дабы их подьячие не так могли обманывать. И в том их обнадежить, что оные обученные в солдаты и в заводскую службу никогда взяты не будут, но всегда останутся в слободском управлении».

Льготы, обещанные Татищевым, в целом не выходили за рамки разрешаемых законом, тем более что набор в рекруты обычно осуществлялся по решению местных властей (это вменялось в обязанность земскому комиссару). Льготами Татищев как бы признает и то, что заводская служба немногим легче солдатской. Он постоянно стоит как

бы между пониманием важности личной свободы для «довольствия подданных» и необходимости обеспечения заводов рабочей силой любой ценой. Но ради просвещения он готов был поступиться даже и тем, в чем состояла его непосредственная и главная обязанность.

Татищев во всем любил порядок. Поэтому он вникает и в вопросы организации быта, в особенности благоустройства сел и поддержания чистоты в домах и на улицах. Каждая десятидворка знала свои обязанности по поддержанию чистоты и порядка, а также свое место в случае возникновения пожара. От комиссаров он также требовал неукоснительного внимания к этим вопросам. Решались эти вопросы обычно миром, в рамках крестьянской общины. Здесь же задача осложнялась, поскольку слободы населяли выходцы из разных мест. Поэтому не все начинания Татищева привились в первый его приезд на Урал.

Татищеву пришлось принять от предшественников еще одну чрезвычайно сложную проблему: отношения с башкирами. Башкирия вошла в состав России в 1557 году, когда многие народы от Северного Кавказа до Сибири [73] искали покровительства России от многочисленных внешних врагов и внутренних усобиц. На первых порах народы, входившие в состав Российского государства, сохраняли полный суверенитет в вопросах внутреннего устройства и практически не несли издержек на содержание русского войска, направляемого для их защиты. Позднее на них накладывается ясак (размером меньшим, чем обычная тяглая подать крестьянина центральных русских уездов), и на территории, заселенной тем или иным племенем, появляются русские крепости и русская администрация. В самой Башкирии никогда не было единства вследствие различной ориентации башкирских феодалов и родо-племенной верхушки. Противовесом русской группировке практически всегда являлись прокрымская и протурецкая. Как правило, в период военных столкновений России с Крымом и Турцией вторая группировка поднимала голову, ведя за собой ту или иную часть башкир.

Последнее крупное выступление башкир перед приездом Татищева приходилось на 1705-1711 годы. Оно было вызвано злоупотреблениями царской администрации, теми самыми злоупотреблениями, от которых в еще большей степени страдало и русское население. Но вылилось оно в разрушение русских поселений и заводов. Восстание было подавлено. Однако обстановка в крае оставалась беспокойной. Отдельные башкирские феодалы и родовые вожди устраивали набеги на русские поселения и препятствовали разработке руд на башкирских землях. Так, в результате набега башкир в 1718 году на Полевские медные рудники были разрушены и сожжены все строения, а работные люди изгнаны. Башкирские вожди предупреждали, что не позволят заниматься промыслами по всей прилегающей округе. Поскольку инородцы входили в ведение Коллегии иностранных дел, Берг-коллегия просила содействия: предупредить башкир и их «начальных людей», чтобы они не чинили препятствий в поиске руд сотрудникам Татищева.

Согласно определению Сената грамота была составлена и направлена Татищеву в Уктус. В Уфе же ее зачитали специально созданным башкирским батырам. Однако положение изменилось мало. Батыры, изъявляя согласие на словах, решительно противились возвращению населения в разоренные селения и восстановлению разрушенных рудников, Татищеву пришлось искать иных [74] путей для договоренности с батырами, в частности, с батыром Чубаром Балагушевым самым беспокойным соседом заводских поселений. Татищев выяснил, что батыр претендует на область, ранее принадлежавшую вогулам, и предложил провести размежевание, прислав от башкир «кого умного», дабы «добрым порядком, с удовольствием с ними развестись». Батыр от такого решения уходил и на крайний случай требовал выплаты с каждого крестьянского двора спорной земли по два рубля, искать же руду разрешал «в земле», а не «поверх земли». По поводу последнего ограничения Татищев не без иронии заметил: «Не разумею, как бы не начав сверху, идти вглубь».

Балагушев, конечно, понимал неустойчивость своего положения и старался изображать верность уфимскому начальству. Он даже заявился в Уфу с образцами медной руды, найденной якобы в его владениях на реке Чусовой. Руда была отправлена в Берг-коллегию; где было установлено, что в ней имелась даже примесь золота. Коллегия просила Татищева осмотреть места находок, а заодно и поощрить батыра. Татищев подозревал, что руда взята из тех самых рудников, которые в 1718 году были захвачены Чубаром и его людьми. Тем не менее он внимательно отнесся к явившимся к нему башкирским рудоискателям, наградив их чугунными котлами и красным сукном. Уточнить же место, откуда были взяты образцы, не удалось, поскольку 3 августа тридцать башкир вместе с двумя русскими беглыми солдатами совершили набег на только что восстановленное поселение крестьян у одной из медных копей в верховьях Чусовой. Начался новый тур уговоров и переговоров, которые вел то Татищев, то администрация в Уфе. Уговоры, однако, цели не достигли, а необходимой силой ни Татищев, ни местные власти не располагали.

Местные военные отряды Татищев нашел в таком же запущенном состоянии, как и сами заводы. В них числилось около сотни драгун - рекрутов, набранных из здешних крестьян и, по существу, остававшихся крестьянами. Ни оружия, ни амуниции эти драгуны не имели, и никто об этом ни заботы, ни беспокойства особенного не проявлял. Драгуны сидели на земле, с которой должны были справиться себе амуницию и лошадей. Это шло как бы в зачет тягла. От других же крестьянских сборов они не освобождались. Офицеров не было. Роль начальников [75] выполняли отобранные из них же урядники и прапорщики, с военным делом незнакомые.

Татищев взялся за приведение в порядок своих вооруженных сил. Он испросил у коллегии разрешения снять с драгун различные поборы и переложить их на крестьян, «яко ими охраняемых», с тем чтобы повысить требования к их главному делу. Вооружение выписывалось из Москвы, а форму драгуны должны были оплатить сами.

Драгуны были собраны в новом поселке Горный щит в двадцати пяти верстах южнее Уктуса, то есть в наиболее беспокойном месте. Однако с вооружением дело по-прежнему обстояло не лучшим образом. Из Москвы было прислано сто фузей. Оказались они неодинаковыми и размером и калибром. У некоторых «не просверлены запалы». Главное же - пятнадцать штук разорвалось уже при первом испытании, и Татищев выражал опасение, как бы «в руках не разорвалось». Офицеров Татищев думал нанять опять-таки из шведских военнопленных. Но шведы уже ожидали скорого мира: «Обнадежены миром, да жалованье гарнизонное весьма скудное».

На собственные занятия Татищеву времени не оставалось. Тем не менее он ухитрялся его выкраивать. Здесь с помощью Блиера он начал учить французский язык, о чем и сделал упомянутую выше запись. Видимо, как следует выучить его он не успел. Но в переписке с Татищевым Блиер теперь подписывается по-французски. Продолжает Татищев собирать книги и разыскивает рукописи, особенно по вопросам географии, истории и права.

Татищев был полон планов и энтузиазма, когда в конце января 1722 года отправлялся на несколько недель в Москву. Вернуться ему, однако, удалось лишь несколько месяцев спустя и в ином качестве.